

452
339331

Министерство образования Республики Беларусь

Учреждение образования
«Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка»

**КУЛЬТУРА РЕЧИ
В УСЛОВИЯХ БИЛИНГВИЗМА:
состояние, перспективы,
инновационные технологии**

*Материалы
Международной научной конференции*

Минск, 25–26 февраля 2004 г.

Минск 2004

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ МАКСИМА ТАКА

УДК 808.5:81'246.2
ББК 81.2-5
К906

Печатается по решению редакционно-издательского совета БГПУ

Редакционная коллегия:

В. Д. Стариченок, И. П. Кудреватых, В. Т. Иватович,
Т. В. Балуш, Н. В. Жданович

Рецензенты:

Л. А. Антонюк, доктор филологических наук, профессор;
И. С. Ровдо, доктор филологических наук, профессор

К906 **Культура речи в условиях билингвизма: состояние, перспективы, инновационные технологии: Материалы междунар. научн. конф., Минск, 25–26 февр., 2004 г.** – Мн.: БГПУ, 2004. 246 с.
ISBN 985-435-748-1

Публикуются материалы Международной конференции по проблемам культуры устной и письменной речи в условиях билингвизма.

Адресуется преподавателям филологических дисциплин, научным работникам, аспирантам, магистрантам, студентам вузов.

2016

УДК 808.5:81'246.2
ББК 81.2-5

ISBN 985-435-748-1

© Коллектив авторов, 2004
© УИЦ БГПУ, 2004

ПРЕДИСЛОВИЕ

Язык народа — это его историческая память, воплощенная в слове, душа нации. К. Д. Ушинский, подчеркивая эти свойства языка, писал: «В языке своем народ, в продолжение многих тысячелетий и в миллионах индивидуумов, сложил свои мысли и свои чувства. Природа страны и история народа, отражаясь в душе человека, выражались в слове. Человек исчезал, но слово, им созданное, оставалось бессмертной и неисчерпаемой сокровищницей народного языка... Наследуя слово от предков наших, мы наследуем не только средство передавать наши мысли и чувства, но наследуем самые эти мысли и эти чувства». Знать язык, уметь пользоваться его богатством, его выразительными возможностями во всем их структурном многообразии — к этому должен стремиться каждый, говорящий на данном языке.

Язык — первоэлемент культуры, и именно в нем быстрее и ярче отражаются все стороны жизни общества, переживающего различные социальные потрясения. Как отмечал М. Хайдеггер, человек входит в мир через язык и попадает не в действительную действительность, а в языковую. Современные изменения, происходящие в языке, связаны с трансформацией социальной жизни, со сдвигами в оценке ценностей, исчезновением цензуры во многих областях, в том числе и в литературе, изменением стиля и ритма жизни, резким контрастом жизненных условий (контраст социального статуса людей, контраст уровня образования, воспитания, социального опыта и т. д.). Это приводит к демократизации языка, которая на новом этапе развития предстает как игра с языком на всех его уровнях, как сочетание несочетаемого. В результате сегодня можно говорить об изменении языковой ситуации и появлении новых типов дискурса («как сложного коммуникативного явления, своеобразной иерархии знаний, фрагмента кусочка действительности» [В. И. Ивченков]).

Определенное настроение общества, изменившаяся его структура и экономика, новая модель поведения людей, новый общественный вкус и мода ведут к сознательному видоизменению литературно-языковых норм и ослаблению, прежде всего, лексического уровня, а затем и системы языка в целом. Ищутся языковые варианты, которые были бы противопоставлены кодифицированным, кажущимся «тусклыми» по отношению к нормам литературного выражения. Определяющим стало стремление избегать слов, форм и способов выражения, свойственных советской эпохе, стремление показать свою независимость от ее языка. Часто предпочтение отдается таким внелитературным языковым сферам, как небрежное городское просторечие, полуприличный и неприличный жаргон.

Лексика, как никакой другой уровень языка, испытывает на себе малейшие изменения в функционировании языка. Изменения политической, экономической и культурной жизни общества способствуют изменению значений слов, передвижению их из центра на периферию и наоборот, а также появлению новых реалий, а значит и слов, их обозначающих.

Социальные изменения находят отражение и в языке художественной литературы. Сочетание книжной и разговорной лексики и фразеологии, использование разностилевых словообразовательных средств, языковых единиц приводит к тому, что автор может «сортировать» читателей, деля их на «своих» и «не своих» и создавая особый контекст. Разностилевые элементы языка вступают

1. Мокиенко В. М. Загадки русской фразеологии. — М., 1990.
2. Бартминский Е., Небжеговская С. Когнитивное определение, профилирование понятий и субъективная интерпретация мира // Когнитивная лингвистика конца XX века / Материалы международной научной конференции. — Мн., 1997. — Ч. 1.
3. Мифы народов мира / Под ред. С. А. Токарева. — М., 1980. — Т. 1., 1982. — Т. 2.

«ХОРОШО МНЕ, — Я ПОЭТ» (опыт лингвистического анализа)

И. П. Кудреватых (Минск)

Художественная литература как своеобразный культурный код языкового сознания говорит на особом языке — языке чувств, ассоциаций и художественных образов, полностью подчиненных авторскому замыслу. Умение интерпретировать авторское слово через соотношение его с определенным понятием (предметным миром) во многом зависит как от знания системы языка, так и от опыта чтения — навыков рефлексивной мыслительной деятельности. Для понимания текста читатель должен владеть не только фоновыми знаниями, но и уметь обнаружить в тексте те знаки, благодаря которым возможно приращение смысла и благодаря чему текст становится более информативным а, следовательно, более ценным. Проиллюстрируем это на материале стихов К. Д. Бальмонта.

Особенностью лирики поэта является смысловая цельность стихотворений, единство содержания, звука и ритма. Диапазон экспрессивных возможностей слова, его способность к художественному преобразованию отражает позицию поэта, его идеологию как своеобразную систему авторской поэтики, в которой он «показал, что может сделать с русским стихом поэт, любящий музыку. В них есть ритмы и перезвоны благозвучий, найденные впервые» [1, с. 2]. Динамический комплекс средств выражения, определенный ритм экспрессивных и неэкспрессивных элементов активизирует образное представление, рождает словообразы, способствующие разнообразию их интерпретации. К. Бальмонт — символист, но символизм его основывается не на предмете изображения, а на ощущении данного изображения. Поэтому для него больше характерна поэзия импровизации. «Достаточно мгновенного толчка сознания, вызванного мимолетным впечатлением, — и непосредственно, стихийно рождается образ» [2, с. 45].

Универсальным структурообразующим принципом в поэзии и словесном искусстве вообще, — указывал Ю. М. Лотман, — является оппозиция местоимений. Личные местоимения обладают высокой степенью абстрагирования, поэтому употребление их дает возможность через систему соотношенных с ними временных форм глаголов, составляющих поле абстрагированной персональности, передать эмоционально-экспрессивную информацию текста. «Если в повествовательных жанрах сюжетные ситуации моделируют некоторые реальные эпизоды на языке определенных идейно-художественных структур, то лирика добавляет еще одно звено — систему местоимений, которая становится универсальной моделью человеческих отношений» [4, с. 84].

Основные отношения, которые наблюдаются в оппозиции местоимений у К. Бальмонта, — сравнительное и присоединительное сопоставление, между которыми нет резких зон семантического перехода: это поля «я», «мы», «ты — я», «она», «он», «я» — «она», что является отражением его поэтического мышления: поэт пропускает чувства каждого героя через призму своего мироощущения. Его восприятия жизни, любви всегда жизнеутверждающи и восторженны. «Он переживает жизнь как поэт, и как только поэты могут ее переживать, как дано это им одним: находя в каждой минуте всю полноту жизни», —

писал В. Брюсов [5, с. 260]. Эта полнота жизни, желание счастья пронизывает весь цикл «Зачарованный грот»: Душен мир — в душе свежо. / Хорошо мне, хорошо; Я больше ее не люблю. / А сердце умрет без любви. / Я больше ее не люблю. — / И жизнь мою смертью зови; И любить, и желать — мы должны и др.

В основе стилистического построения многих стихов поэта лежит диалог, динамично передающий настроение героев; более того, лексико-функционально-семантическое поле (ЛФС) экзистенциальности, связывающее все стихи цикла, составляют слова, имеющие «колеблющийся признак пространственности» [6]: жизнь, сон, судьба, мир, мгла, глубина, земля, очарование, мрак, счастье и др., приобретающие в условиях контекста символический смысл. Становясь контекстуальными синонимами, в силу действия огромной семантической инерции, общей семантической окраски, они рожают определенные ассоциации: любовь — это счастье и гибель одновременно: За новый облик сладострастия, — душой безумной и слепой / Я проклял ее — во имя счастья, / Во имя гибели с тобой; Как сказочно светят созвездья, / Как звезды вечно горят.

Содержание всего цикла «Зачарованный грот» складывается как результат актуализации языковых значений слов. Но это не просто конкретизация и их системное варьирование. Это обогащение языковых значений за счет неязыкового значения (понятийного и образного) — когнитивных структур, обусловленных ситуацией и контекстом. Например, сон как состояние после смерти (жизнь проходит — вечен сон) ассоциируется со сказкой как покоем, блаженством. Поэт проводит параллель между желанием любви как жизненной необходимостью и светом звезд, солнца, дыханием влаги и пр., тем самым устанавливает субъекты реляционных отношений, которые отличаются не только содержательно, но и способом их экспликации в экспрессивных лексико-синтаксических структурах. Так, музыка наделяется признаками живого существа. Эта необычность объекта, к которому обращено внимание, грот организует предикатные ряды ЛФС «я» — «ты», которые соотношены с противопоставленными. Такие отношения способствуют созданию косвенно обобщенной символизации, поскольку содержание поля «ты» прямо не указывается, а лишь угадывается в результате организации грамматических средств: обилие смысловых отношений (поясительные, следственные, присоединительные, соединительные, противительные), риторические восклицания, разрывающие логический ход мысли, построенные на неожиданных присоединениях, создают эмоционально-напряженную, контрастирующую композицию.

Основными стилистическими фигурами любовной лирики К. Бальмонта являются анафора, лексический повтор и синтаксический параллелизм, что, с одной стороны, способствует единству ритмической и интонационной динамики, а с другой — является основным стилистическим фактором, средством организации смысла — лирический герой счастлив: Жизнь проходит, — вечен сон. / Хорошо мне, — я влюблен. / Жизнь проходит, — сказка — нет. / Хорошо мне, — я поэт и т. д. Причем синтаксический параллелизм и лексический повтор наблюдаются не только в пределах одного стихотворения, но и на уровне целого цикла, где устанавливаются интегрирующие, или системные отношения, например: Я — с глубокого, тихого, темного дна («Русалка»); Мы — с голубого дна («Я ласкал ее долго»); Я весь — весна. / Когда пою, / Я — светлый бог, когда целую («Весь — весна»); Я — буря, я — пропасть, Я — ночь («Я больше ее не люблю»).

Однако при употреблении одинаковых синтаксических структур их содержательный объем и функционально-стилистическая роль могут быть различны. Например, в результате варьирования субъектов действия в стихотворении «Я больше ее не люблю», несмотря на лексико-синтаксическое их тождество, создаются два содержательных плана, но единый смысл (как сумма языковых дистрибуций): без любви вообще нет и не может быть счастья. Концепт счастье — это фундамент организации всей семантической систе-

мы цикла «Зачарованный грот». Предикаты межличностных отношений у Бальмонта отличаются не только содержательно, но и способом языкового оформления. Одним из основных ЛФСП выступает поле «мы», где грамматически доминирующим признаком является оппозиция актив/пассив субъекта, но нет оппозиции по времени: настоящее актуальное — основа создания словообраза у К. Бальмонта.

Экспрессивное присоединение, выраженное и невыраженное, свойственно всему циклу. И с этой точки зрения, лирический синтаксис поэта поражает своими вариационными возможностями. Бальмонт умело сочетает интонации присоединения, риторические вопросы и восклицания как аргументацию выдвинутого им тезиса, используя при этом прием обрамления: *И любить и желать — мы должны. / И не любят ли жизнь настоящее? / И не светят ли звезды за мглой / И не хочет ли солнце горящее / Сочетаться любовью с землей? / И не дышит ли влага прозрачная. / В глубину принимая лучи? / И не ждем ли земля новобрачная? / Так люби. И целуй. И молчи.*

Мир образов поэта поражает гармонией, яркостью, создает впечатление вневременности и внепространственности — так было, есть и будет всегда. Организация грамматических форм указывает на интегрирующие отношения между стихами всего цикла. Так, первое стихотворение «Жизнь проходит — вечен сон», организованное в настоящем постоянном, задает две микротемы, которые провозглашают общие истины: без любви нет ни жизни, ни самого поэта. Первое стихотворение выступает своего рода аргументацией следующих стихов цикла, объяснением авторской жизненной позиции. Несмотря на объем (6 строк), стихотворение изобилует тропами и стилистическими фигурами: здесь и метафора, и паронимы, и хиазм, символ и антитеза, лексический повтор и синтаксический параллелизм. И тем не менее впечатление перегруженности отсутствует. Причинно-следственные отношения — основа развития образных ассоциаций: *Хорошо мне, — Я поэт.*

В стихотворении «За то, что нет благословения», построенном в форме периода, структурно активным элементом становится анафора, создающая определенную ритмическую инерцию: *За то, что нет благословения / Для нашей сказки — от людей. — / За то, что ищем мы забвения / Не в блеске принятых страстей. — За то, что в сладостной бесцельности / Мы тайной связаны с тобой. — / За то, что тонем в беспредельности. / Не побежденные судьбой и т. д.* Детерминируя перифраз облик сладострастия (это сказка, забвение, сладостная бесцельность, беспредельность, тайна, упоение, лютки), поэт формирует концептосферу своего образного представления, составляющую основу всего цикла. Синонимическая ситуация вступает в интегративные связи с номинативным словарем стихотворение «Отпадения», устанавливая отношения тождества. В обоих стихах словосочетания облик *сладострастия* и *мир сладострастия* — эволюционно-смысловые доминанты семантической системы всего цикла, которые активно влияют на значения других слов, определяя общий семантический фон.

У К. Бальмонта чувства человека борются с чувствами поэта. Этот антагонизм чувств и разума ярче всего проявляется в стихотворении «Я больше ее не люблю». Лирический герой выбирает счастье земное. Через поэтический синтаксис проследживается эволюция его чувства.

Стилистической пометой поэтического языка Бальмонта является наличие так называемых коррелятивных субъектов: с одной стороны, слово с помощью рифмы вовлекается в звуковую организацию стиха, с другой стороны — создается эффект незримого присутствия абстрактного собеседника: *Беги же с трепетом от исступленности. / Нет меры снам моим, и нет названия. Или: Я больше ее не люблю, — / И жизнь мою смертью зови.*

Семантико-стилистическая система Бальмонта складывается как результат парадигматических отношений двух микротем стихотворного цикла. Интерпретация сопоставлений определяет идиостиль поэта: лексика отвлеченно-абстрактной семантики создает оппозицию и на фонологическом уровне (с/з, ш/ж, ч/ш,ж). А. Блок в 1911 г. отмечал, что Бальмонт и вслед за ним многие современники вульгаризировали аллитерацию. Однако именно этот прием, основанный на семантическом сближении фонетически подобных слов, является определяющим в поэтическом творчестве Бальмонта. «Определенная степень необычности, непривычности, новизны языка — неперенное условие выявления настоящим поэтом своей творческой индивидуальности, условие, без которого невозможно глубже предшественников или иначе, чем они, проникнуть в мир» [3, с. 14].

Литература

1. Бальмонт К. Д. Собрание стихов. М.— 1904.— Т. 2 Из записной книжки (3 сентября 1899г.).
2. Бальмонт К. Д. Стихотворения.— Л., 1969.— Вступительная статья В. Орлова.
3. Григорьев В. П. К спорам о слове в художественной речи // Слово в русской советской поэзии. М., 1975.
4. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Л., 1972.
5. Перцов П. Литературные воспоминания. М.—Л., 1933.
6. Тынянов Ю. Проблема стихотворного языка. М., 1965.

С. В. Кунец (Минск)

АНГЛИЦИЗМЫ В ССВРЕМЕННЫХ СМИ

Русский язык, подобно другим языкам мировой культуры, располагает обширным запасом иноязычных слов и выражений. Заметную роль в процессе заимствования играют экстралингвистические факторы (развитие науки и техники, искусство и спорт, политика и СМИ), не замкнутые в национальных границах.

Количество заимствованных слов, пришедших в русский язык в конце XX — начале XXI в., растёт в геометрической прогрессии. Совершенно очевидно, такое большое число заимствований и неполная адаптация иногда приводит к их некорректному употреблению. Особенно это заметно в СМИ. Подавляющее большинство заимствований в современных СМИ составляют англицизмы и их дериваты. Они обслуживают такие сферы деятельности, которые бурно развивались в конце XX века и связаны с политическими процессами, социальным устройством, идеологией и международными отношениями, экономикой, финансами, банковским делом и юриспруденцией, массовой культурой и спортом, компьютерными технологиями и телекоммуникациями: *брифинг (briefing), саммит (summit), рейтинг (rating), мониторинг (monitoring), дистрибьютор (distributor), дилер (dealer), кастинг (casting), имиджмейкер (imagemaker), ток-шоу (talk show), ноутбук (notebook), сервер (server), роуминг (roaming) кёрлинг (curling), фристайл (free style)* и мн. др.

Язык отражает время, в котором живёт человек. Многие из заимствований вошли в массовый оборот и прочно закрепились в литературном языке, их написание и толкование зафиксировано в академических словарях русского языка. К таким единицам следует отнести такие слова, как *раунд (round), офис (office), инвестор (investor), коктейль (cocktail)* и мн. др.

Не менее численную группу составляют те ЛЕ, которые получили закрепление только в словарях иноязычных слов и выражений: *yes, thank you* и др.

К третьей группе, которая быстро развивается в последнее время, можно отнести некодифицированные ЛЕ, которые отсутствуют в словарях русского языка, но имеют широкое хождение в СМИ, программах компьютерных технологий и др. областях. Это так на-

А. А. Гируцкий (Минск)	
НРАВСТВЕННАЯ ПРИРОДА СЛОВА	39
О.Е. Горбачевич (Минск)	
РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ И ПРОСТОРЕЧИЕ	42
И. В. Гормаш (Минск)	
ПОДХОД К КЛАССИФИКАЦИИ МЕТАФОР В ЛИРИКЕ ИОСИФА БРОДСКОГО	44
М. С. Гутовская (Минск)	
О ХАРАКТЕРЕ ИДИОМАТИЧНОСТИ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С МЕТАЯЗЫКОВЫМИ КОМПОНЕНТАМИ: ЗАВИСИМОСТИ МЕЖДУ СВОЙСТВАМИ ФРАЗЕОЛОГИЗМА И СЛОВА-КОМПОНЕНТА	46
Т. В. Данилович (Минск)	
«ЧУЖИЕ» ОБРАЗЫ В СТИХОТВОРЕНИИ АРСЕНИЯ ТАРКОВСКОГО «ПОРТНОЙ ИЗ ЛЬВОВА, ПЕРЕЛИЦОВКА И ПОЧИНКА (ОКТАБРЬ, 1941)»	49
Д.В. Дзятко (Минск)	
КАМПАЗИЦЫЯ Ў МАТЭМАТЫЧНАЙ ТЭРМІНАЛОГІІ	51
Н. И. Ефремова (Гомель)	
ДВУСОСТАВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СТРУКТУРЕ ПАРЕМИЙ (на материале русских и немецких пословиц и поговорок)	53
Н. В. Жданович (Минск)	
ЭПИТЕТЫ В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА: УЗУАЛЬНОЕ И ИНДИВИДУАЛЬНОЕ	54
Т. В. Запорожец (Минск)	
• ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД В УСЛОВИЯХ БИЛИНГВИЗМА	57
С. М. Зенкова (Минск)	
РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ	59
А. А. Иващенко (Минск)	
• ПЕРЕВОД И КУЛЬТУРА РЕЧИ	62
А. Ф. Калашникова (Минск)	
• ОБУЧЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИИ КАК ЭЛЕМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ	64
В.М. Канаплёў (Мінск)	
Навучанне школьнікаў этыкетным формулам звароту на ўроках беларускай мовы	68
І.У. Капцюг (Мінск)	
ЭТЫКЕТНЫЯ ФОРМЫ ЗВАРОТКА Ў БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ	71
И. А. Кашук (Минск)	
МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ В СТИЛЕ А. ПУШКИНА	73
Т. Князева (Минск)	
КОНЦЕПТ СВОБОДА В ПОЭЗИИ А. С. ПУШКИНА	75
Л. И. Козырев (Минск)	
• ФРАЗЕОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА РЕЧИ	77
Н. Н. Коликова (Минск)	
МЕТАФОРЫ В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. ЦВЕТАЕВОЙ)	80
Л. К. Кондаленко (Минск)	
РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ	81
В. В. Конон (Минск)	
ЦВЕТ В РОМАНЕ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО «ВОСКРЕСШИЕ БОГИ. ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ» КАК СУБЪЕКТ СИМВОЛ-СИТУАЦИЙ	84

Г. М. Концевая, М. П. Концевой (Брест)	
РЕЧЕВОЙ ЭТОС СЕТЕВОГО ДИСКУРСА	87
М.И. Коношкewич (Гродно)	
ПРАГМАТИКА ОБЩЕНИЯ БЕЛОРУСОВ КАК ПРЕДМЕТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ	89
Т. И. Коршун (Минск)	
РОЛЬ ЭПИТЕТОВ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПОДРОСТОК»	93
К. Л. Косатая (Минск)	
• ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗВУКОПИСИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ РУССКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА НА БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК	94
Т. Б. Кохна (Минск)	
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ВРЕМЕНИ ПО ДАННЫМ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ	96
И. П. Кудреватых (Минск)	
«ХОРОШО МНЕ, — Я ПОЭТ» (опыт лингвистического анализа)	98
С. В. Кунец (Минск)	
АНГЛИЦИЗМЫ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ	101
Н. В. Курбаленко (Гомель)	
ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ СУБЪЕКТА КАУЗАЦИИ В КАУЗАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ	103
О. Ю. Лазарева (Минск)	
К ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ РУССКОГО РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА	105
А. І. Лемязя (Мінск)	
ПАМ'ЯТКІ ЗМЕСТУ І МОУНАГА АФАРМЛЕННЯ ПЕРАКАЗАЎ ВУЧНЯМІ IV-VI КЛАСАЎ	106
В. Л. Леонович (Минск)	
КУЛЬТУРА РЕЧИ УЧИТЕЛЯ И КУЛЬТУРА РЕЧИ УЧЕНИКА	109
Е. В. Литвиненкова (Минск)	
РОЛЬ ЭЛЛИПСИСА В СОЗДАНИИ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ	110
Н. П. Лобач (Минск)	
САЧЫ ЗА ТЫМ, ШТО ГАВОРЫШ...»	112
Л. Пюбля-Круглик (Польша)	
КУЛЬТУРА (ИЛИ АНТИКУЛЬТУРА) РЕЧИ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ (на материале польского и русского языков)	114
Т. М. Лянцевич (Брест)	
ИДИОСТИЛЬ Б. ПАСТЕРНАКА: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	116
О. Малыса (Польша)	
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭТИКЕТА РУССКОГО РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ ПОЛЬСКОЙ АУДИТОРИИ	118
Г. І. Малько (Горкі)	
АБ АДНЫМ ВЫПАДКУ КААРДЫНАЦЫІ ДЗЕЙНІКА І ВЫКАЗНІКА (на матэрыяле перыядычнага друку)	121
Л. И. Мамонтова (Могилев)	
ДЕЛОВОЕ ОБЩЕНИЕ И УСТАНОВЛЕНИЕ КОММУНИКАТИВНОГО КОНТАКТА	123
Т. М. Маракуліна (Мінск)	
Марфалагічная варыянтнасць як вынік уплыву пісьмовых традыцый рускай мовы (на матэрыяле парадыгматычнай сістэмы прыметніка ў мове газеты «Наша ніва» (1906— 1915 гг.))	125
В. А. Маслова (Витебск)	
К СООТНОШЕНИЮ ЯЗЫКОВОЙ И ПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИН МИРА	127